

Глава 13. Бесстрашие

Остров персиковых цветов в Нефритовом море служил лишь перевалочным пунктом на долгом пути. Вдоль берега тянулась широкая река, чьи воды, прозрачные и чистые, походили на жидкий изумруд. На прибрежных деревьях круглый год пламенели цветы, и ветер, вечно гуляющий в кронах, срывал алые лепестки, унося их по течению в неведомые дали.

Линь Му расплатился с лодочником на пристани и прошёл в каюту. Его взгляд был устремлён на далёкие горы, чьи вершины тонули в сизой дымке. Небольшое судно, мерно покачиваясь на зеркальной глади, медленно уходило в густой, бескрайний туман.

С возвращением удачи история его отношений с семьёй Ли подошла к своему логическому завершению. Они с Ли Чжунчэном выросли бок о бок; позже, желая переманить его на свою сторону, Мо Чжиянь искусственно продлил мальчишке жизнь. В общей сложности они были знакомы более сотни лет, и Линь Му знал характер брата слишком хорошо.

Ли Чжунчэн был натурой крайне злопамятной и холодной. Сколько бы тепла и души ты ни вложил в этого человека, стоило лишь раз оступиться или отказать ему — и он тут же перечёркивал всё доброе, лелея единственную обиду до самого гроба. Мо Чжиянь совершил ошибку, промедлив: Чжунчэн уже увидел его истинное лицо, а значит, эти двое никогда не станут по-настоящему близкими людьми. С таким характером он сам загонит себя в тупик, из которого не будет выхода.

Линь Му не желал более тратить на него ни слов, ни сил. Он не стал лично мстить за предательство в прошлой жизни не из милосердия, а лишь потому, что не хотел вновь связывать себя кармическими узами с семьёй Ли. Полное забвение и разрыв всех связей были лучшим исходом.

Однако Гу Суйчжи, не терпящий несправедливости, всё же подтолкнул события в нужное русло, окончательно выставив Ли Чжунчэна в глазах окружающих бесчестным, непочтительным и дурным братом. Теперь у семьи Ли не осталось ни единого шанса вновь примкнуть к Мо Чжияню.

Оглядываясь на события двух жизней, охватывающие несколько столетий, Линь Му уже не чувствовал былой боли — лишь лёгкую, едва уловимую горечь. Впрочем, и она вскоре развеялась. Гу Суйчжи, словно неверно истолковав его молчание и приняв его за печаль, принялся нарочито громко восхищаться открывающимися пейзажами.

«Этот старший Гу... и впрямь добрый человек»

Линь Му мельком улыбнулся своим мыслям. Но сейчас его внимание было сосредоточено на ином.

— Старший, — юноша стал серьёзным, — мне нужно кое-что обсудить с вами.

«М?»

— Я чувствую, что порог близок. Мне нужно несколько дней для уединения и медитации.

Гу Суйчжи надолго замолчал, подыскивая осторожные слова для догадки:

— ...Средняя стадия Создания основ?

— Золотое ядро.

— Рано или поздно я точно придушу это Небесное Дао, — холодно хмыкнул Гу Суйчжи.

Линь Му благоразумно промолчал. Мужчина с самого начала своего пути самосовершенствования двигался вперёд с невероятной скоростью, оставляя далеко позади всех сверстников. За последние три тысячи лет в мире заклинателей не рождалось никого, кто мог бы сравниться с ним по таланту... Но таких, как Линь Му, история ещё не знала!

***

Сойдя на берег, Линь Му отыскал уединённую пещеру в укрытых туманом горах. Внутри пахло сыростью и помётом лесных зверей, стены были влажными и густо поросли мхом. К своему удивлению, Гу Суйчжи испытал странное облегчение: он всерьёз опасался, что стоило юноше войти в случайную пещеру, как он тут же наткнётся на скелет великого мастера или гору тайных свитков.

К счастью, на сей раз обошлось. Мужчина не завидовал удаче своего подопечного, он тревожился. Как он уже говорил Линь Му, Небесное Дао — торговец прижимистый и коварный. Оно никогда не одаряет просто так: сколько даётся сейчас, столько же будет востребовано позже. За невероятным везением всегда следует не менее сокрушительный удар. Сначала жетон Тайми, теперь прорыв к Золотому ядру всего через полмесяца после Создания основ... Это было слишком. Гу Суйчжи уже начинал всерьёз подозревать, какие цели преследует Небесное Дао.

Преодоление рубежа вошло в критическую фазу. Изначально Гу Суйчжи не слишком беспокоился — Линь Му уже достигал этой стадии в прошлой жизни, его тело и каналы были подготовлены. Однако прошли два дня, а успех всё не наступал. Внимательно наблюдая за состоянием юноши, старший заметил, как меж его бровей на миг промелькнула едва заметная тёмная дымка.

«Демоны сердца?»

Гу Суйчжи мысленно хлопнул себя по лбу. Его собственный путь был столь безупречен, что он совсем позабыл: прорыв к Золотому ядру всегда сопровождается испытанием духа. Он

сосредоточил своё восприятие и погрузился в сознание Линь Му.

Гу Суйчжи ещё в самом начале возрождения Линь Му видел эти воспоминания с двух точек зрения, но теперь, глядя на них вновь, испытал иные чувства. Судьба всегда истязает лишь тех, у кого мягкое сердце. Будь Линь Му чуть холоднее и жёстче, не будь он так привязан к чувству благодарности и не обладай столь сильным чувством морали, он никогда не оказался бы в ловушке этих событий.

Линь Му вновь и вновь видел своего биологического отца, Бессмертного владыку Хуаюя, который смотрел на него с ледяным презрением:

— Чжиянь болен, он не вынесет потрясений. Ты лишил его родителей, так не смей более появляться перед ним, чтобы не тревожить его попусту.

Даже старший брат-ученик, единственный, кто когда-то казался ему близким в Дивном крае Хуами, отобрал честно завоёванный в кровавых битвах меч:

— Ты и так в долгу перед Чжиянем. Ему нужен достойный клинок, а ты привык к дешёвым деревяшкам. Не будь жадным.

Гнева уже не было. Тогда, в прошлой жизни, он был слишком измотан и раздавлен чувством вины. Он лишь хотел «выплатить долг», чтобы поскорее разорвать все связи с этими людьми. Он отказался от попыток заслужить их любовь, но не мог покинуть школу, пока там оставалась его мать.

Госпожа Циньхуа часто теряла рассудок; в минуты безумия она не узнавала даже мужа, принимая лишь его одного. Он мог отречься от холодного отца, мог забыть о старшем брате-ученике, что преданно защищал Мо Чжияня, но не мог бросить женщину, которая подарила ему жизнь и потеряла разум из-за него. Она была единственной в мире, кто искренне любил его. Но он не мог забрать её из рук мастера на стадии Превращения в божество, как не мог и оставить одну подле Мо Чжияня. В итоге он сам, шаг за шагом, загнал себя в смертельную ловушку.

«Хватит об этом, — раздался в сознании знакомый, чуть насмешливый голос, пробившийся сквозь пелену видений. — Ты ведь больше не Мо Сюнь, не так ли?»

Линь Му открыл глаза. Его взгляд был пустым и отрешённым.

— Старший... что вы знаете о Бесстрастном Пути?

— Хочешь ступить на него? Даже не пытайся, у тебя не выйдет.

— Почему?

— Взгляни на ту траву, — Гу Суйчжи указал на росток, пробивающийся сквозь трещину в камне. — Ты любишь её?

Линь Му покачал головой.

— А Мо Чжияня ты ненавидишь?

Юноша помедлил, но всё же кивнул.

— В твоём сердце нет любви, но живёт ненависть. Как же ты собрался познать Бесстрастие? Ты думаешь, Бесстрастный Путь — это отречение от человечности? Искоренение семи чувств и шести желаний? Думаешь, нужно превратиться в ледяное изваяние с застывшим лицом? Ошибаешься. Разве можно назвать человека «бесстрастным» лишь потому, что он никого не любит и холоден сердцем? Нет. Чтобы достичь Бесстрастия, нужно сначала познать любовь. Не любовь к кому-то одному, а любовь ко всему существу.

Голос мужчины мерно рокотал под сводами пещеры.

— Каждую травинку, каждый цветок, каждое дерево. Каждого встречного — будь то дряхлая старуха или юная дева, святой праведник или отъявленный негодяй. Ты должен дарить им свою любовь поровну, без остатка. Я вижу существе, я люблю существе, я ненавижу существе и я убиваю существе.

— Старший, я не совсем понимаю.

— Представь, — продолжил Гу Суйчжи, — что ты видишь двух умирающих от голода людей. У одного есть лепёшка, и он решает разделить её пополам с другим, хотя тот лишь ищет случая, чтобы украсть всё. Кто из них тебе более симпатичен?

— ...Старший, доброта первого не принесёт ему ничего, кроме беды.

Он знал это на собственном опыте.

— Я спрашивал не об этом.

Линь Му тихо вздохнул:

— Тот, у кого была лепёшка.

— А потом его убили, потому что второй не захотел делиться и пожелал забрать всё себе. Будешь ли ты презирать убийцу?

— Да.

— Вот видишь — ты не сможешь идти этим Путём. Твоё сердце слишком мягкое, чтобы мириться с несправедливостью, и слишком жёсткое, чтобы полюбить весь мир без разбора.

— Значит, мне ничего не остаётся?

— Почему же? Ты можешь убить того, кто совершил зло. Но сделать это ты должен не из ярости или отвращения, а лишь потому, что зло должно быть пресечено. Он совершил преступление и заслужил кару — вот единственная причина.

Линь Му всё ещё с трудом улавливал суть.

Гу Суйчжи вздохнул:

— Все твердят, что Бесстрастный Путь — кратчайшая тропа к небесам. На деле же он самый трудный. Тот, кто пройдёт его до конца, станет ближе всех к тому, чтобы сокрушить оковы Небесного Дао и стать истинным богом. Впрочем, я сам не практикую это искусство, так что могу ошибаться. Я лишь видел человека, который был в шаге от цели.

— И что же с ним стало?

— Он потерпел крах, — Гу Суйчжи хмыкнул не без ехидства. — Край нежности — могила героя, древние не лгали.

Линь Му погрузился в раздумья.

— На самом деле, — приободрил его мужчина, — из тебя мог бы выйти отличный последователь этого Пути. Если бы не Мо Чжиянь, у тебя были бы все шансы. Но ещё не поздно попробовать. Если ты так настаиваешь, я могу стать твоим наставником.

Линь Му удивился:

— Но вы же сами сказали, что не до конца понимаете это учение?

— Ну и что? Суть проста, я же говорил: нужно полюбить всё сущее. Но мир слишком велик, давай начнём с малого. Попробуй для начала найти искру любви к кому-то одному.

Линь Му невольно последовал за его мыслью:

— К кому же?..

— Ну, например... — Гу Суйчжи всё же не удержался от смешка. — Ко мне. Что скажешь?

<http://bllate.org/book/15862/1435106>